

Господу Богу угодно было отозвать къ Себѣ своего вѣрнаго раба протоіерея Павла: онъ скончался въ 1 часъ 15 мин. дня. Двѣнадцать ударовъ въ колколь въ церкви духовнаго училища возвѣстили о кончинѣ протоіерея Павла Николаевича Быстрицкаго. Изъ Александровской больницы онъ былъ перевезенъ въ домъ, гдѣ былъ облаченъ въ полное священническое облаченіе о. Экономомъ духовнаго училища, Священникомъ І. Рождественскимъ, при участіи діакона. Въ церкви духовнаго училища немедленно совершена была панихида въ присутствіи Начальствующихъ, учащихся и учащихъ. Въ этотъ день, а также и вслѣдующій—въ домъ покойнаго непрерывно совершались надъ тѣломъ усопшаго панихиды городскими протоіереями и священниками, а діаконами читалось Евангеліе. Выносъ тѣла изъ дома покойнаго совершенъ былъ 27 апрѣля въ 8 часовъ утра въ церковь духовнаго училища, при чемъ гробъ несли на рукахъ протоіереи, священники ученики и сослуживцы покойнаго. Величественную картину представляла эта процессія: множество духовенства въ „*ризахъ блестящихся*“ ученики, окружавшіе гробъ покойнаго, масса прихожанъ училищной церкви и умиленное пѣніе училищно-семинарскимъ хоромъ пасхальныхъ пѣнопѣній—все это напоминало какое-то великое религіозное торжество, но никакъ не погребальную процессію.

По внесеніи тѣла въ храмъ началось служеніе Божественной Литургіи, которую совершалъ Благочинный домовыхъ церквей гор. Саратова Протоіерей М. А. Соколовъ въ служеніи протоіереевъ: А. М. Розонова—духовника покойнаго, М. Инсарскаго, Священниковъ: С. П. Ильменскаго, І. Е. Рождественскаго, І. Карайскаго и двухъ племянниковъ покойнаго. Во время причастнаго бывшимъ ученикомъ покойнаго Законоучителемъ Реальнаго Училища Священникъ С. П. Ильменскимъ было произнесено слѣдующее слово:

„*Воздадите всѣмъ должная*“ (Римл. 13 7).

Такъ заповѣдуетъ Св. Апостоль Павелъ, ояясняя взаимныя отношенія наши другъ къ другу. Что же воздадимъ тебѣ,

почившій о Господѣ, возлюбленный собратъ нашъ, собравшись въ послѣдній разъ при гробѣ твоёмъ, когда ты такъ неожиданно оставляешь насъ? Принесемъ-ли ко гробу твоему по слову Апостола—воздать ему же честь—честь, дань похвалы, славы и чести добродѣтелямъ твоимъ, кои слышатся обычно при гробницахъ людей именитыхъ, доблестныхъ служителей вѣры, церкви и отчества? Есть, конечно, чѣмъ почитать и твое имя, которое ты сдѣлалъ дорогимъ и незабвеннымъ въ лѣтописяхъ духовнаго вертограда сего, посвятивши обученію и воспитанію дѣтей въ немъ тридцать лѣтъ, т. е. половину жизни твоей, оставивши свѣтлыя воспоминанія о личности твоей у многочисленныхъ учениковъ твоихъ, теперь уже многихъ пастырей церкви Божіей. Свѣтлыя воспоминанія о привлекательныхъ нравственныхъ качествахъ сердца твоего останутся навсегда памятными и для меня, бывшего нѣкогда ученикомъ твоимъ. Будучи еще въ свѣтскомъ званіи и преподавая предметы, къ нравственному воспитанію мало имѣющіе отношенія, ты умѣлъ однако же привлечь къ себѣ сердца юныхъ учениковъ твоимъ личнымъ обращеніемъ съ ними, своимъ ласковымъ, привѣтливымъ словомъ, доброжелательнымъ, чисто-отеческимъ отношеніемъ къ намъ и тѣмъ дѣлалъ для насъ, вмѣстѣ съ другими наставниками, почти незамѣтнымъ переходъ нашъ отъ жизни семейной къ жизни школьной, ученической. Дѣтская душа способна къ удивительной воспримчивости, владѣетъ духовнымъ поминаніемъ любви, сердечнаго, гуманнаго отношенія къ ней и тамъ, гдѣ эта любовь чувствуется дѣтьми, они охотно и съ радостнымъ послушаніемъ слѣдуютъ за своими руководителями, охотно и свободно подчиняются и чисто внѣшнимъ дисциплинарнымъ предписаніямъ, столь необходимымъ въ школьной жизни.

Въ силу этого свойства дѣтской души тоже было и съ нами. Поступивъ изъ очаговъ семейной жизни, согрѣтой теплою ласкою родителей и родственниковъ, мы и въ школѣ, въ наставникахъ нашихъ, встрѣтили доброе, сердечное, гуманное, отзывчивое отношеніе къ нуждамъ нашимъ, и тотъ страхъ, какой

вселяла въ учениковъ своихъ старая дореформенная школа, не существовалъ для насъ и былъ непонятенъ намъ. Будучи близокъ для насъ въ качествѣ добраго и отзывчиваго къ нуждамъ нашимъ наставника, въ послѣдствіи принявъ священный санъ и сдѣлавшись для учениковъ не только наставникамъ, но и ближайшимъ руководителемъ нравственнаго воспитанія ихъ, Ты, конечно, еще болѣе сталъ привлекать къ себѣ отзывчивыя сердца юныхъ дѣтей. твоихъ питомцевъ, съ раннихъ лѣтъ возжигая въ нихъ будущихъ служителей Престола Божія, религиозное чувство живой сердечной вѣры въ Бога и благоговѣніе къ Нему своимъ священничествомъ въ храмѣ семъ, поистинѣ высшемъ училищѣ вѣры и благочестія.

Въ изображеніи привлекательныхъ качествъ сердца твоего, какъ наставника и особенно какъ пастыря священнослужителя, мы могли бы собрать много блестящихъ и благоуханныхъ цвѣтовъ, чтобы составить изъ нихъ вѣнецъ похвалы и положить его на гробъ сей. Но и при жизни твоей ты былъ чуждъ высокомерія и гордости, стараясь быть честнымъ и вѣрнымъ служителемъ долга, всегда былъ скромнаго мнѣнія о достоинствахъ твоихъ и не искалъ похвалы и славы человѣческой. А теперь тѣмъ болѣе не нужны они тебѣ. Теперь ты предстоишь строгому и нелицепріятному Суду Божию и можетъ быть, самъ желаешь, чтобы вмѣсто похвальнато слова, мы возсылали Богу усиленныя молитвы о томъ, чтобы предъ очами Правды Божіей покрыты были завѣсой Милосердія Божія вольныя и невольныя прегрѣшенія твои, такъ свойственныя всеѣмъ намъ по немощи естества человѣческаго.—Итакъ, не для похвальнаго слова пришелъ ты въ храмъ сей въ послѣдній разъ, возлюбный о Господѣ собрать нашъ! Пришолъ ты сюда для того, чтобы проститься съ нами и преподать намъ послѣдній урокъ, послѣднее наставленіе намъ.

Оставляя земное поприще служенія твоего, Ты трогательно взываешь къ намъ изъ гроба: Прости вослюбленная о Господѣ юная паства моя, близкая сердцу моему уже потому, что тридцать лѣтъ почти ежедневно, изъ дня въ день, я былъ въ духов-

номъ общеніи съ тобою, и, какъ служитель Божій, совершалъ за Божественной литургіей вмѣстѣ съ тобою безкровную, умиловительную жертву о грѣхахъ нашихъ.

Ваше усердіе, дѣти, къ храму, Ваша искренная, теплая, дѣтская, сердечная молитва въ храмѣ семь возгрѣвала и мою душу молитвою. Да воздасть Вамъ Господь за это дрованіями своими небесными. Вѣрую, что не чужда будетъ сердцу вашему молитва о мнѣ и по отшествіи моемъ къ Отцу Небесному. Прости Св. храмъ сей, въ коемъ небесныя, благодатныя впечатлѣнія священничества были лучшимъ духовнымъ утѣшеніемъ для меня въ жизни сей, исполненной земныхъ скорбей и печалей. Прости окружающій меня сонмъ пастырей духовныхъ, начальниковъ, товарищей и сослуживцевъ моихъ, и если я согрѣшилъ предъ кѣмъ либо изъ васъ, или оскорбилъ кого, или преогорчилъ, простите по христіански и покройте всѣ недостатки мои благоснисходительною любовію. Простите присни и мои, дорогія спутницы въ семь земномъ жизненомъ поприщѣ, возлюбленныя дѣти, братья и сестры мои! Промышленіемъ Божиимъ, судьбы котораго недовѣдомы и непостижимы, я оставляю Васъ въ христіанской надеждѣ и упованіи, что Милосердный Отецъ Небесный не оставитъ васъ сирыми и согрѣетъ сердце власть имущихъ заботливостію и благопопеченіемъ о земномъ благополучіи вашемъ Простите меня вси знаменіи мои, духовныя чада, отцы и братіи мои, и если я кого чѣмъ-либо обидѣлъ или не сдѣлалъ то, что долженъ бы сдѣлать, отпустите меня съ миромъ и любовію да покрываетъ своимъ милосердіемъ и ваши недостатки Христосъ Господь.—Прости, возлюбленный о Господѣ собратъ нашъ, и насъ передъ отшествіемъ твоимъ къ престолу Господа Судіи Нелицепріятнаго. Для того мы и собрались сегодня въ храмѣ семь, чтобы, вознося молитвы о упокоеніи души твоей, проститься съ тобою, воздать последнее цѣлованіе браннымъ останкамъ твоимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ послѣдній разъ еще разъ поучиться у тебя.—Скажешь, какъ и чему могу теперь учить васъ, когда уста мои на вѣки сомкнуты, когда охладѣвшее чело свидѣтельствуеть объ угасшей

въ немъ мысли. Правда, уста твои безмолвуютъ, но гробъ твой, нежданная для всѣхъ кончина твоя краснорѣчивѣ всякаго слова даютъ великій урокъ намъ, урокъ поучительный для всѣхъ насъ, и притомъ поучительный для жизни вѣчной, а не временной. „*Придите братія моя и чада моя*“—такъ говоришь ты намъ бранными останками изъ гроба твоего.—„*Придите и послушайте мене, страху Господню научу васъ*“! По истинѣ страху Господню поучаешь ты насъ сегодня, возлюбленный собратъ нашъ! Если и всякая смерть невольно поражаетъ сердце и заставляетъ насъ обратить свой взоръ отъ земли къ небу, то твоя неожиданная для всѣхъ смерть, смерть въ полномъ разцвѣтѣ силъ дня жизни, особенно заставляетъ насъ спросить о себѣ судьбы Божіи: „*что сіе еже о насъ бысть таинство? Какъ предахомся тлѣнію како сопрягохомся смерти?*“ Да, братіе-христіане, смерть человѣка—подлинно великое таинство! Не тайна-ли,—вчера человѣкъ, существо разумное, чувствующее, обтекающее мыслию небо и землю, а нынѣ трупъ—хладный, недвижимый. Для чего жизнь наша, когда она пресѣкается такъ скоро и внезапно? Что такое смерть и кто управляетъ ею, когда посѣкаетъ такъ внезапно жертву свою, какихъ наугадъ и безъ разбора?—Наука бессильно молчитъ предъ этими вопросами. Она болѣе или менѣе удовлетворительно объясняетъ всѣ стadiи человѣческой жизни, но, доведя человѣка до могилы, бессильно останавливается. Наука останавливается и вѣра вступаетъ въ свои права и задавая о смерти вопросъ сей: что сіе еже о насъ бысть таинство? Како предахомся тлѣнію, како сопрягохомся смерти, устами св. церкви отвѣтствуетъ намъ: *Воистину Бога повелѣніемъ, якоже писано естъ подающаго представльшимся упокоеніе.*

Какъ просто и вмѣстѣ глубоко и удовлетворительно для самаго-строгаго разума, разрѣшаетъ тайну смерти Слово Божіе!—Мы созданы были для безсмертія и снабжены къ тому всѣми средствами: но не устояли въ своемъ предназначеніи, вкусили

отъ плода запрещеннаго, отравили себя ядомъ грѣха, и вслѣдствіи сего подверглись смерти.

Что простѣе и удовлетворительнѣе сего отвѣта?— Не повторяется ли и нынѣ, въ маломъ видѣ, сей несчастной опытъ, когда человѣкъ вкушаетъ что либо вредоносное и умираетъ? Не приводитъ ли иногда и нынѣ грѣхъ за собою смерти видимо, напр., въ сильномъ гнѣвѣ, даже въ сильномъ смѣхѣ? Зачѣмъ же недоумѣвать и спорить, когда смерть сказывается такимъ образомъ о своемъ происхожденіи сама собою? Но св. вѣра не только изъясняетъ намъ начало смерти, но указываетъ и на конецъ ея, о чемъ разумъ самъ по себѣ не смѣетъ и помыслить.— По ея ученію, мы предаемся смерти не яко овцы заколенія, въ добычу всегдашнюю, невозвратимую, но какъ узникъ стражу на заключеніе временное. Ужасное тлѣніе, коему подвергаетъ смерть тѣло наше, служить для насъ банею пакибытія, въ семь жалкомъ брениі таится ростокъ жизни вѣчной. Настанетъ часъ, какъ учить св. вѣра, когда всѣ, сущіе во гробѣхъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ; и изыдутъ сотворишии благая въ воскресеніе живота, о сотворишии злая въ воскресеніе суда. Желаемъ знать, откуда сія новая отрадная тайна? Какъ среди тлѣнія и смерти возсіяло нетлѣніе и жизнь?

Вѣра вполне отвѣтствуетъ и на сіи вопросы. Мы воскреснемъ, говоритъ она, потому, что держава смерти разрушена.— Кѣмъ? Сыномъ Божиимъ, нашимъ Спасителемъ. Какъ и чрезъ что? Чрезъ то, что Онъ облеченный нашею плотію, будучи источникомъ жизни, благоволилъ подвергнуться смерти, сойти во гробъ. и тамъ отъ полноты Божества своего возсіяетъ жизнь и воскресеніе. Что можетъ быть для здраваго смысла удовлетворительнѣе сего изъясненія? Не случается ли видѣть, какъ сильное врачество прогоняетъ и уничтожаетъ самую лютую болѣзнь? Какъ неразрушимыя вещества, соединившись съ тлѣнными, спасаютъ ихъ отъ тлѣнія на многіе вѣка? Чтоже удивительнаго, если вочеловѣченіе Сына Божія измѣнило природу человѣческую на лучшее? Если океанъ жизни, излившись чрезъ смерть Бого-

человѣка въ область смерти, наполнилъ собою все входы и исходы ея, и во все гробы внесъ начало воскресенія? Какова причина, таково и дѣйствіе: Искупитель нашъ есть Богъ Всемогущій; послѣ сего могла ли быть сомнительною побѣда надъ смертію? Итакъ, еслибы кто спросилъ тебя нынѣ, христіанинъ: како предахомся тлѣнію? Како сопрягохомся смерти? ты твердо вмѣстѣ св. церковію можешь отвѣтить: Бога повелѣніемъ, Бога Правосуднаго, который не можетъ не карать нарушенія вѣчныхъ законовъ правды своей, не могъ посему не предать человѣка— грѣшника слѣдствіямъ его же собственного грѣха, коего оброчы смерть. Равнымъ образомъ, если бы кто спросилъ тебя, христіанинъ; какъ мы воскреснемъ? чьею силою возстанемъ изъ гробовъ своихъ? Ты твердо вмѣстѣ съ словомъ Божиимъ, можешь отвѣтить: Бога повелѣніемъ, Бога Милосердаго, Который для воскресенія нашего послалъ Единороднаго Сына Своего, за насъ умершаго и для насъ воскрешаго.

Да, братіе, христіанинъ можетъ отгъчать на сіи вопросы, къ коимъ разумъ со всею земною мудростію своею и подойти не смѣетъ. И сію-то вѣру, всепросвѣщающую, разсвѣвающую мракъ самаго гроба, дерзають иногда называть темною! Ахъ, елибы мы были безпристрастны и судили какъ должно, то по сему самому уже познавали бы происхожденіе вѣры наше свыше. Тогда, какъ мудрость земная ограничиваетъ все наставленія, самыя обѣщанія свои тѣмъ, что она просвѣтитъ разумъ нашъ, образуетъ волю, укажетъ что намъ дѣлать и какъ достигать счастья на землѣ, Св. Вѣра, кромѣ всехъ сихъ благъ, доставляемыхъ ею въ самомъ лучшемъ и чистѣйшемъ видѣ беретъ человѣка за руку, изводитъ его на кладбище и говоритъ: смотри—ты смертенъ и потому ужасно несчастенъ; жаждешь безсмертія и не можешь видѣть ничего далѣе гроба; я разсѣю этотъ жалкій мракъ, объясню себѣ сію тайну, вотъ какъ ты подвергся тлѣнію, вотъ какъ ты можешь стяжать жизнь вѣчную! (Инок. Арх. Хес.) При обычномъ теченіи жизни нашей, братіе-христіане, человѣкъ часто забываетъ о смерти или по крайней мѣрѣ отдаляетъ въ

мысляхъ своихъ часть ея и увлекается земными радостями: богатствомъ, славою, почестями, удовольствіями и радостями здоровья и счастья земного. Но спросите этотъ прахъ собрата нашего, далеко ли здравіе отъ болѣзни, жизнь отъ смерти, ложе покоя временнаго отъ мѣста покоя вѣчнаго. Что теперь съ нимъ, то будетъ и съ нами. Такимъ же прахомъ содѣлается и наше тѣло, въ такомъ же маломъ гробѣ вмѣстится и оно бездыханное, принесется въ послѣдній разъ въ храмъ Божій и также отойдетъ въ могилу.— Прости намъ возлюбленный собратъ, что мы рѣшились твоею смертію поучать себя и другихъ, твоимъ гробомъ обличать суету земныхъ благъ и радостей. Быть можетъ чье-либо сердце, при взглядѣ на гробъ сей, подумавъ о собственной смерти, возбудится къ покаянію, возревнуетъ о спасеніи своемъ, пожелаетъ снискать себѣ такую мирную, тихую, христіанскую непостыдную кончину, какъ скончался ты, мужественно встрѣтивъ часть смертный въ христіанскомъ упованіи званія нашего. При гробѣ твоёмъ, какъ священнослужителя церкви Христовой, за каждой Божественной литургіей твердо и истинно исповѣдавашаго крестъ, гробъ, тридневное воскресеніе, еже на небеса восхожденіе, второе чаше славное пришествіе Искупителя нашего, особенно умѣстны христіанскія размышленія о смерти нашей, побѣжденной Христомъ Спасителемъ нашимъ и христіанскомъ упованіи и воскресеніи съ Нимъ.

Еще такъ недавно ты оживлялъ и согрѣвалъ дѣтскія сердца твоихъ юныхъ ученицъ по Закону Божию твоими вдохновенными, ясными и простыми рассказами о спасительныхъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи Господа Иисуса Христа, залагая въ юныхъ сердцахъ ихъ сѣмена сей святой и спасительной вѣры, и въ частныхъ бесѣдахъ нашихъ съ тобою любилъ дѣлиться Небесными благодатными впечатлѣніями священничества, получаемыхъ священнослужителями отъ богослуженія св. церкви православной. Думаемъ, что послѣднее завѣщаніе твое приснымъ твоимъ, болѣе всѣхъ скорбящимъ о безвременной кончинѣ твоей, заключается въ томъ чтобы они не скорбѣли о тебѣ безотрадною

скорбью объ умершихъ, подобно людямъ, не имущимъ упованія, ибо такая скорбь показала бы, что мы не вѣримъ сердцемъ тому, что иповѣдуемъ нашими устами. Да дастъ имъ Господь Богъ истинное утѣшеніе въ христіанскомъ чувствѣ. Да даруетъ же Господь всѣмъ намъ въ глубокой скорби о кончинѣ твоей истинное утѣшеніе въ чувствахъ христіанскихъ упованія нашего. Животворящее тѣло и кровь Іисуса Христа, принятыя тобою въ предверіи гроба, на вѣки соединили тебя съ Нимъ—Источникомъ вѣчной жизни; разрѣшеніе отъ узъ грѣховныхъ, преподанное служителемъ Христовымъ во Имя Его, примирило тебя и со всею церковію Христовою и съ Самимъ главою ея—Іисусомъ Христомъ. Отселѣ ты—подъ покровомъ заслугъ Христовыхъ, ходатайства Святыхъ Божихъ и молитвъ собора всѣхъ вѣрующихъ во Имя Его Христіанскою кончиною, кончиною—мирною и непостыдною, начинается для тебя вѣчная жизнь со Христомъ Господомъ въ Его славу и блаженствѣ. Песему съ несомнѣнною вѣрою воспоемъ о тебѣ: *Блаженъ путь, въ онъже идеши днесь душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія. Аминь.*

Въ 11 часовъ къ концу литургіи въ Училищный храмъ прибылъ Его Преосвященство Преосвященѣйшій Владыка Гермогенъ, который и совершилъ отпѣваніе тѣла о. Протоіерея Павла въ сослуженіи Протоіереевъ: М. А. Соколова, А. С. Урбанова, А. М. Розонова, Н. В. Свѣтовидова, Л. И. Владыкина, А. Г. Миногонова, М. И. Инсарскаго, С. С. Позднева, Священниковъ: С. П. Ильменскаго, І. И. Карайскаго, І. Е. Рождественскаго, П. В. Архангельскаго, П. Е. Мысовскаго, М. Н. Виноградова, Н. М. Смирнова, Н. Тихова, С. И. Четверикова и двухъ племянниковъ покойнаго. Предъ отпѣваніемъ Владыка произнесъ краткое прочувственное слово, въ которомъ указалъ на заслуги покойнаго въ качествѣ духовнаго пастыря и руководителя дѣтей. „Въ твоёмъ служеніи,“ говорилъ Владыка, видно не только чисто-формальное исполненіе долга; нѣтъ, твоя дѣятельность одухотворялась тѣмъ чувствомъ любви, которое только одно служить двигателемъ всякаго добраго дѣла. Посему я и прибылъ